СИМБИРСКИЙ ТРЕТЬЯКОВ

Кто бывал в Ульяновском художественном музее, тот помнит картину К. Е. Маковского "Боярышня". Симпатичная шаловливая гимназистка наряжена в костюм боярышни, с кокошником на голове. На какой-то миг она набралась серьезности и степенности и, держа блюдце в руке, дует на горячий чай. На столе самовар и прочие атрибуты чаепития.

Этот холст поступил в музей в 1926 году. В свое время он находился в составе известной Цветковской картинной галереи в Москве.

После создания П. М. Третьяковым русской национальной картинной галереи среди состоятельных людей Москвы и Петербурга возникла своего рода мода коллекционировать художественные произведения. Так были созданы солидные собрания картин одного и другого Мамонтовых, Морозова, Остроухова, Цветкова...

Галерея Цветкова отличалась значительной коллекцией рисунков русских художников конца XVIII и XIX веков. В начале 1900-х годов в Москве по проекту известного художника Виктора Васнецова было построено специальное здание Цветковской картинной галереи[450], а в 1909 году создатель этого собрания, наш земляк, завещал ее, вместе со вновь построенным зданием, городу Москве[451]. Цветковское завещание произвело большое впечатление и породило своего рода сенсацию в русской и иностранной прессе.

В 1926 году это собрание вошло в состав Государственной Третьяковской галереи.

Кто же такой Цветков? Какими нитями он связан со старым Симбирском?

Иван Евменьевич Цветков родился 28 апреля 1845 года в семье бедного сельского священника Алатырского уезда Симбирской губернии. Получив первоначальное обучение дома, он был определен в Алатырское духовное училище. Впоследствии, вспоминая этот период, Цветков писал: "Не красна была моя жизнь в течение шестилетнего сидения моего за церковнославянскими книгами в родительском доме, но училищная жизнь была еще хуже. Она была тяжелее жизни каторжника. Высокомерие и наглость аудиторов меня возмущали. Так как я ничего не сделал, чтобы снискать их снисхождение, поэтому мне ставили скверные отметки и производили жестокие экзекуции. Телесные наказания повторялись иногда, даже страшно сказать, по нескольку раз в день. Иногда большая часть двухчасового урока проходила не в занятиях науками, а в сечении"[452].

По окончании училища, в 1862 году, И. Цветков поступил в Симбирскую духовную семинарию, где слыл "идеальным семинаристом" по успехам. Все свободное время он употреблял на чтение Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского и других авторов и скоро пришел к выводу, что учеба в семинарии — не для него, тем более что обнаружилась его склонность к математике. Он принял решение перейти в 6-й класс гимназии, но разность программ, незнание немецкого языка и естественных наук создавали немалое препятствие к этому. Однако твердая решимость и горячее желание стать гимназистом победили. В течение лета 1864 года он успел подготовиться к поступлению в гимназию, хотя это было сопряжено с трудностями и другого порядка. Большой симбирский пожар, истребивший город, стал причиной полной утраты всего, очень скромного, имущества семинариста, а главное — утраты учебников. Пока Цветков спасал имущество других, сам он остался лишь в том, что было на нем.

С трудом допущенный к экзаменам в гимназии, он был принят в нее. С середины октября 1864 года занятия возобновились в наемном помещении (так как здание гимназии сгорело), и Цветков начал здесь свою учебу.

Для поддержания собственного существования он был вынужден давать домашние уроки. Учеба в гимназии шла успешно, и он отлично закончил ее в 1867 году, но из-за строптивого характера был лишен медали. Случилось это так.

После окончания экзаменов в выпускном классе гимназии Цветков был вызван директором Вишневским.

— Тебе положено выдать золотую медаль, — сказал Вишневский, — но за твою строптивость тебе будет довольно и серебряной.

На это в негодовании Цветков ответил:

— А мне вообще никаких медалей не нужно!

Тогда Вишневский, собрав педагогический совет гимназии, доложил ему, что гимназист Цветков не желает получать каких-либо наград. Лишить отличия — таково было решение совета.

Позже Иван Цветков сожалел о своем поступке, так как это несколько осложнило его поступление в Казанский университет[453].

Поступив в августе 1868 года на математический факультет Казанского университета, он через год перешел в Московский университет, где слушал лекции таких профессоров, как Ф. А. Бредихин, Н. Э. Лясковский, Цингер и другие. В стенах университета Цветков глубоко увлекся науками; он делил время на занятия в университете, работу в библиотеках и домашние уроки, являвшиеся тогда для него единственным средством к существованию.

Летом 1872 года Цветков в качестве домашнего учителя в одной из богатых семей побывал в Берлине, Вене, Женеве и Цюрихе. Там он познакомился с известными музеями и картинными галереями.

В 1873 году он окончил университет с кандидатской степенью и получил приглашение остаться для продолжения научной деятельности. Но отсутствие какой-либо материальной базы не позволило воспользоваться

таким предложением, и Цветков поступил на службу в Московский земельный банк. Пройдя за двадцать с лишним лет длинную чиновную лестницу от бухгалтера до председателя оценочной комиссии, а затем и директора банка, постоянно вращаясь в кругу купцов и прочих богатеев "первопрестольной" столицы, он нажил себе крупное состояние, которое полностью употребил на собирание своей обширной коллекции произведений русского искусства.

Увлечение искусством у Цветкова началось еще в студенческие годы. Посещение Румянцевского музея и других художественных собраний, обязательное присутствие на всех выставках в Москве и в Петербурге, знакомство с художниками, чтение и изучение литературы по искусству — все это продолжалось десять лет и стало своего рода предисловием к его коллекции.

А начиная с 1881 года Цветков занялся собирательской деятельностью, покупая картины русских художников за относительно невысокую плату[454]. Затем первым из русских коллекционеров Цветков стал приобретать рисунки русских художников, их наброски, эскизы, варианты композиций и этюды к ним, что впоследствии оказалось крайне ценным для истории русского искусства. "...Он оказался обладателем богатейшего в Москве, — а может быть, и вообще в России, — собрания рисунков русских мастеров, охватывающего развитие этого вида художественного творчества приблизительно в течение полутора веков"[455].

В 90-е годы собрание быстро росло и требовало уже специального помещения. В связи с этим Цветков писал: "Когда мне в 1898 году захотелось построить дом в древнерусском стиле, то, чтобы уяснить себе свое желание и найти желанную форму дома, я перечитал все, что известно относительно древнерусской архитектуры, пересмотрел все издания, все фотографии с древних русских зданий, осмотрел сохранившиеся остатки

древних зданий в Москве, нарочно ездил в Ярославль, в Ростов Великий; потерял целый год в попытках создать дом желанной формы, сначала при помощи одного профессора архитектуры, потом другого, пока не нашел искомой формы в импровизированных рисунках художника-живописца В. М. Васнецова, этого вдохновенного любителя и знатока древнерусского вкуса"[456].

С постройкой нового здания, по признанию Цветкова, он "стал собирать картины и рисунки еще энергичнее, чем в первые двадцать лет, был счастливее в приобретении редких хороших вещей, чем прежде"[457].

За тридцать с лишнем лет Цветков "собрал галерею в количестве 1819 произведений 404 русских художников. В том числе 410 картин, 1373 графических произведения и 36 скульптур"[458].

Для того чтобы представилась ценность этого собрания, достаточно сказать, что в нем было шестьдесят произведений И. Е. Репина, сорок одно — В. А. Тропинина, тридцать восемь — К. П. Брюллова, тридцать — В. И. Сурикова, двадцать восемь — В. М. Васнецова, двадцать два — В. Д. Поленова, двадцать одно — Ф. А. Бруни и т. д.[459].

Более четверти всех произведений собрания составили работы передвижников, мировоззрение которых складывалось под влиянием политических и эстетических взглядов революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского. В этих работах отражались факты страшной социальной несправедливости. Картины передвижников звали к критике существующих порядков, обличая их сурово и беспощадно. Цветков находился под сильным влиянием передвижников и был их поклонником.

Умный, энергичный и прекрасно образованный, человек со сложным характером, постоянный посетитель мастерских московких и петербургских художников,

завсегдатай всех художественных выставок, глава Московского общества любителей художеств, действительный член Петербургской Академии художеств, крупный и известный собиратель, Цветков был горячим русофилом. С болезненной неприязнью он относился ко всему западноевропейскому и к модернистским течениям в искусстве Европы. Он не понимал и не принимал французских импрессионистов и их русских последователей. Ему не были чужды некоторые, порой труднообъяснимые, странности и противоречия в характере и поступках. Но он не был купцом-самодуром, каким Цветкова представляют некоторые мемуаристы[460].

Цветков не просто собирал ради накопления. Его собирательская деятельность была глубоко продуманной и систематизированной, связанной с целым рядом специальных поисков. Это был профессионально грамотный собиратель, хорошо знавший не только историю русского искусства и не только биографию каждого художника, представленного в его собрании, но и в деталях знавший, когда, при каких обстоятельствах или в силу каких причин было создано то или другое произведение и почему оно написано именно так, а не иначе. Причем все эти сведения носили документальный характер и в равной степени касались как того или иного рисунка, так и крупных живописных произведений. Если речь шла о картине Бруни "Пробуждение граций", то собиратель мог рассказать не только о самом художнике и его картине, но и с кого и в каких условиях писались грации. Если же речь заходила, например, о портрете Темкиной работы Боровиковского, то Цветков рассказывал и о художнике, и о царствовании Екатерины II, о взаимоотношениях императрицы с Г. Потемкиным, об их дочери, изображенной на портрете под видом одной из "смолянок"[461], о ее судьбе — и в таких деталях, которые удивляли слушателей.

Естественно, что подобных обширных познаний "купить" нельзя. Их можно приобрести только многолетним и упорным трудом человека, влюбленного в свое дело.

При всех странностях и недостатках, которые были свойственны Цветкову, нельзя недооценивать того главного, что было сделано им. Собрав обширную коллекцию произведений русского искусства, он в день своего шестидесятичетырехлетия, 28 апреля 1909 года, преподнес ее в дар городу Москве, не оставив ничего своим родственникам из некогда большого состояния.

Председатель комиссии по приему этого дара, говоря о ценности собрания, сказал: "Оно представляет естественное продолжение по времени собирательства произведений национального искусства, начало которому положил П. М. Третьяков. Но главное богатство новой галереи заключается, впрочем, в огромном запасе рисунков, с которым и Третьяковская галерея никак конкурировать не может...

Цветковское собрание рисунков представляет такое сокровище, подобное которому ни под каким видом купить и составить более нельзя"[462].

Коллекция была передана городу вместе с недавно построенным домом, о котором писали, что это — "настоящий храм искусства, строгий и стильный в мелочах. Внешний вид галереи строго выдержан в древнерусском стиле — настоящий терем... много света, высокие потолки, комнаты с люстрами, представляющими точную копию новгородских паникадил времен Иоанна Грозного..."[463].

Разумеется, это было огромное богатство, отданное народу.

Цветков вскоре после окончания университета, в начале 1870-х годов, побывал в Симбирске и посетил тогда своего старого знакомого — известного чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Последний хорошо знал

Цветкова, его родителей и братьев, с одним из которых он вместе учился в Симбирской гимназии.

Этим знакомством Яковлева с Цветаевым воспользовался в 1913 году председатель Симбирской ученой архивной комиссии В. Н. Поливанов. Когда строился дом-памятник И. А. Гончарову, Поливанов был озабочен созданием художественного музея в Симбирске, который должен был размещаться в новом здании (ныне здание краеведческого и художественного музеев). По его поручению Яковлев посещал Цветкова и вел с ним переговоры, склоняя коллекционера пожертвовать Симбирску часть своего собрания. В результате было написано письмо Цветкова от 3 апреля 1914 года, адресованное Поливанову, в котором автор выражал желание "...принести в дар моему родному городу Симбирску несколько картин... Кроме того, я имею намерение при случае приобретать картины специально для Симбирска. Не найдете ли Вы, Ваше Превосходительство, возможность предоставить этим картинам временное помещение в одном из подведомственных Вам симбирских зданий? Когда наберется этих картин достаточное количество, они будут принесены в дар Симбирску. А до этого времени они составляют мою собственность и только в случае моей смерти переходят в собственность города Симбирска..."[464].

Какой был ответ Поливанова — неизвестно. Через год с небольшим он умер, а еще через два года умер и И. Е. Цветков.

По сведениям Яковлева, Цветков предлагал ему взять из собрания часть картин для Симбирска с тем, чтобы временно их разместить в симбирской чувашской школе, но Яковлев не принял этого предложения, так как не рассчитывал обеспечить полную гарантию сохранности дорогостоящего художественного имущества. По тем же сведениям, "он (Цветков. — **А. Бл.**), более не посещал нашего города, хотя и не забывал его,

пожертвовав по завещанию даже капитал в 100 000 рублей Симбирской гимназии, в которой воспитывался"[465].

Но получил ли Симбирск завещанные ему деньги? Попытки найти подтверждение этому остались пока безуспешными. По всей вероятности, это намерение Цветкова не осуществилось.

А вот картины цветковского собрания уже не Симбирск, а Ульяновск все-таки получил. В 1926 году из Государственного музейного фонда СССР в наш художественный музей поступили двенадцать картин и этюдов, которые ранее находились в составе Цветковской галереи. Среди них этюд Ф. Васильева "Гумно", работы Дубовского, Киселева, братьев Константина и Владимира Маковских, Прянишникова, Саврасова, Шишкина и других русских художников.

В Ульяновском художественном музее имеется работа В. Маковского "Цветков на даче". На фоне садовой зелени и озера вдали в плетеном кресле сидит пожилой человек со строгим выражением лица. Он одет в белый сюртук, а левой рукой придерживает черную шляпу. Седина заметно посеребрила его голову, усы и бороду. От картины веет истомой жаркого летнего дня, клонящегося к вечеру. Таким изобразил художник шестидесятилетнего И. Е. Цветкова в 1905 году.

Вариант этого портрета экспонируется в Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева. А вообще, только В. Маковский оставил не менее пяти портретов Цветкова; Репин написал два, К. Маковский — два. Скульпторы С. Волнухин и В. Беклемишев запечатлели Цветкова в бронзе.

Знаменитые художники оставили нам память о выдающемся земляке, патриоте и гражданине, беззаветно любившем Россию и отдавшем ей все свое состояние и все труды своей семидесятидвухлетней жизни.